Леноре снились смерть и кровь,
Проснулась в тяжком страхе.
«Где ты, Вильгельм? Забыл любовь
Иль спишь в кровавом прахе?»[1]
Он с войском Фридриха весной
Ушел под Прагу[2] в смертный бой
И ни единой вести
Не шлет своей невесте.

Монархи вражеских держав,
Устав от долгой ссоры,
Смирили гнев и гордый нрав,
И мир пресек раздоры.
И, зыбля рдяный шелк знамен,
Под пенье, гул, и гром, и звон
Войска, весельем пьяны,
Идут в родные страны.

И вот спешат и стар и млад
На стены, на заставы —
Встречать ликующих солдат,
Любимцев бранной славы.
Здесь муж вернулся, наконец,
Там встречен радостно отец, —
Ах, для одной Леноры
Ничьи не светят взоры!

Она идет, бежит, зовет,
Глядит в глаза героям.
Но кто ж ведет убитым счет
Пред лютым вражьим строем?
Ушли! Теперь ты веришь сну?
И, разметав волос волну,
Она в смятенье диком
На землю пала с криком.

И к ней бежит в испуге мать,
Приникла к ней, рыдая.
«Над нами божья благодать,
Не плачь, не плачь, родная!»
«О мать, о мать, Вильгельма нет,
Постыл, постыл мне божий свет,
Не внял господь Леноре.
О, горе мне, о, горе!»

«Господь, господь! спаси, спаси
Дитя от искушенья!
Господь, ты благ на небеси,
Прости ей прегрешенья!»
«О мать, о мать, всему конец,
Не знает милости творец!
Не помогли молитвы,
Он пал на поле битвы».

«Господь — оплот наш и покров,
Мы все — его созданья.
Вкуси, дитя, святых даров,
Да утолишь страданья!»
«О мать, я не пойду во храм,

Не прикоснусь к святым дарам,
Дары Христа бессильны
Нарушить сон могильный».

«Но если в Венгрии, дитя,
Забыв страну родную,
От веры душу отвратя,
Он в жены взял другую, —
Дитя, тогда забудь о нем,
Ему добра не будет в том:
Душе за грех измены
Не избежать геенны».

«О мать, постыл мне белый свет,
Я брошена в пустыне,
Он смерть оставил мне в завет,
На что мне жизнь отныне!
Померкни, солнце, не свети,
Дай мне во тьму и скорбь уйти!
Навек, навек могила добычу поглотила!»

«Господь, господь! Не будь суров
К твоей рабе несчастной;
Она твоих не слышит слов,
Прости ей гнев напрасный!
Дитя, смири молитвой плоть,
Душе отверзнет рай господь,
К ней в радостные кущи
Придет жених грядущий».

«О мать, на что мне светлый рай,
Что для меня геенна!
Где мой Вильгельм — там светлый рай,
Где нет его — геенна[3].
Померкни, солнце, не свети,
Дай мне во тьму и скорбь уйти,
Не принесут забвенья
Мне райские селенья».

И долго бушевала страсть,
Туманя ум смятенный.
Она кляла святую власть
Создателя вселенной,
Ломала пальцы, грудь рвала,
Но вот сошла ночная мгла,
И выплыли в просторы
Ночных созвездий хоры.

И вдруг, и вдруг, тук-тук, тук-тук!
Донесся топот гулкий.
И будто всадник спрыгнул вдруг
В притихшем переулке.
И тихо, страшно, дзин-дзин-дзин,
У входа звякнул ржавый клин,
И хрипло крикнул кто-то
В закрытые ворота:

«Открой, открой! Иль спать легла,
Иль ждать не стало мочи?
Как встарь, красотка весела

Иль выплакала очи?»
«Вильгельм! В какой ты поздний час!
От слез я не смыкала глаз,
Кляла я свет постылый,
Откуда ты, мой милый?»

«Мы только к полночи встаем,
Мой конь летел стрелою.
Мой новый дом в краю чужом,
Я прибыл за тобою».
«Вильгельм, войди, желанный мой,
Свистит и воет ветер злой,
Так далека дорога!
Согрейся хоть немного!»

«Пусть ветер воет и свистит,
Пусть плачет над полями, —
Мой конь косится и храпит,
Мне места нет меж вами!
Садись, садись же, наконец!
Храпит, храпит мой жеребец,
Сто миль скакать с тобою
Нам к брачному покою».

«Сто миль! А в поле так темно!
Сто миль скакать к постели!
Часы одиннадцать давно
На башне прогудели».
«Живей! Луна встает из тьмы.
Домчимся раньше мертвых мы.
Дорога мне знакома,
Мы скоро будем дома».

«А домик твой красив, высок?
Постелька нам готова?»
«Темь, холодок да семь досок,
Одна доска для крова».
«Не тесно в нем?» — «Вдвоем — войдем.
Живей, живей! Открыт мой дом,
Невесту ждем, и вскоре
Все гости будут в сборе».

Красотка — прыг! и, в чем была,
На круп коня порхнула,
И мила друга обняла,
К желанному прильнула.
И свистнул бич, и, гоп-гоп-гоп,
Уже гремит лихой галоп.
И конь, как буря, дышит,
Вкруг дым и пламень пышет

И справа, слева, сквозь кусты,
Гей, гоп! неуловимо
Летят луга, поля, мосты,
Гремя, несутся мимо.
«Луна ярка, не бойся тьмы,
Домчимся раньше мертвых мы.
Красотка, любишь мертвых?» —
«Зачем ты вспомнил мертвых?»

Но что за стон? Откуда звон?
Как воронье взлетело!
Надгробный звон! Прощальный стон:
«Зароем в землю тело».
И хор идет, угрюм и строг,
И гроб на паре черных дрог,
Но песня та сошла бы
За крик болотной жабы.

«Заройте после прах немой
Под звон и стон прощальный!
Спешу с женой к себе домой
Свершить обряд венчальный!
За мной, друзья! Оставьте гроб!
Ступай благословлять нас, поп!
Пой, дьякон, что есть мочи
В честь нашей первой ночи!»

Смолк звон и стон, и гроба нет —
Лишь ветра свист и ропот,
И, точно гром, за ними вслед
Понесся гулкий топот.
И громче, громче, гоп-гоп-гоп,
Гремит неистовый галоп,
И конь, как буря, дышит,
Вкруг дым и пламень пышет.

Летят деревни и сады,
Летят дома, соборы,
Равнины, реки и пруды,
Леса, долины, горы.
«Дрожишь, дитя? Не бойся тьмы,
Уже догнали мертвых мы!
Красотка, любишь мертвых?» —
«Зачем ты все о мертвых?»

«Взгляни, взгляни: вздымая прах,
Столбами пыль взметая,
Кружит меж виселиц и плах
Полночных духов стая.
Эй, нечисть! Эй! Сюда, за мной!
За мной и за моей женой
К великому веселью
Над брачною постелью!»

И сброд нечистый, хуш-хуш-хуш,
Вослед помчался с треском.
Так ветер злобный в жар и сушь
Свистит по перелескам.
И громче, громче, гоп-гоп-гоп,
Гремит неистовый галоп,
И конь, как буря, дышит,
Вкруг дым и пламень пышет.

Как скачет все в лучах луны,
Как дико скачут дали!
И небеса, увлечены,
Вдогонку заплясали.
«Дрожишь, дитя? Не бойся тьмы!

Домчались раньше мертвых мы!
Красотка, любишь мертвых?» —
«О, боже, что мне в мертвых!»

«Гоп-гоп! Уже истек мой срок.
Кричит петух к восходу.
Гоп-гоп! Порозовел восток.
Мой конь, прибавим ходу!
Близка назначенная цель,
Прими нас, брачная постель!
Не страшны мертвым дали,
Мы быстро прискакали».

И конь, заслышав грозный крик,
Взметнулся в беге яром,
И хлыст ворота в тот же миг
Разнес одним ударом.
Слетел затвор, гремит скоба,
Под бегуном гудят гроба,
И, месяцем облиты,
Мерцают смутно плиты.

Взгляни, взгляни: гремя, звеня,
Хо-хо! свершилось чудо!
Где всадник был, теперь с коня
Ползет гнилая груда,
И лишь скелет верхом на нем,
Скелет с часами и серпом,
Безглазый и безгубый,
Сидит и скалит зубы.

Храпя, поднялся дыбом конь,
И дико морду вскинул,
И с хохотом в провал, в огонь,
Об землю грянув, сгинул.
И вой раздался в тучах, вой
И визг из пропасти глухой,
И, с жизнью в лютом споре,
Приникла смерть к Леноре...

А духи гор, долин и вод
Кружились рой за роем,
Сплетались в мерный хоровод
И выли скорбным воем:
«Терпи! Пусть горестен твой век,
Смирись пред богом, человек!
Прах будет взят могилой,
А душу бог помилуй!»

---

1. Еще один вариант начала:
   Ленору тяжкий сон томит,
   Проснулась до рассвета.
   «Вильгельм, откликнись! Ты убит
   Иль спишь с другою где-то?»
2. Битва под Прагой 6 мая 1757 г. (Семилетняя война).
3. *Геенна* — место вечных мук грешников, ад.